

ЗОЛОТАЯ ЭРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

КОМЕНДАНТСКИЙ
ЧАС

МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

В оформлении обложки использована
работа художника *Алексея Дурасова*

Хруцкий, Эдуард Анатольевич.

Х95 Комендантский час / Эдуард Хруцкий. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Золотая эра отечественного детектива).

ISBN 978-5-04-116896-4

Июль 1941 года. В своей квартире обнаружен застреленным художник-ретушер Зиновий Грасс. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Иван Данилов подозревает, что это не самоубийство, а грубая инсценировка. Сыщики начинают расследование, и вскоре выясняется, что смерть Грасса — дело рук бандита Широкова, участника опасной банды, которой руководит фашистский абвер. А это значит, что схватка с врагом предстоит серьезная...

В сборник вошли известные повести о сыщике Иване Данилове: «МЧК сообщает...» и «Комендантский час».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116896-4

© Хруцкий Э.А., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

МЧК
СООБЩАЕТ...

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года

За окном играла музыка. Торжествующе, звонко вели трубы марш «Под двуглавым орлом». Пел над осенними улицами Екатеринодара альт. Это был голос победы, славы, надменности.

И кабинет, вернее номер гостиницы «Кубань», был залит солнцем. По-южному ярким и еще теплым.

— А дома-то, наверное, дожди, грязь, мокрые лошади, пар из дверей чайных на улицу вылетает... — Полковник Прилуков, начальник контрразведки Добровольческой армии, отошел от окна. — Так как же, Сергей Николаевич, домой тянет? Вы ведь тоже москвич?

Подполковник Незнанский — эlegantный, с точным пробором, с усиками, подстриженными по-английски, молчал, постукивая по столешнице в такт маршу.

— Так как же, Сергей Николаевич? — повторил Прилуков.

— Конечно, домой хочется. — Незнанский встал, придерживая шашку, подошел к окну.

Прилуков оглядел его. Высокого, молодого, подтянутого, со значком Академии генерального штаба на

левом кармане кителя, под отливающим эмалью офицерским «Георгием» и рубиново-золотым «Владимиром» с мечами под воротником кителя.

— Вы нашли человека, Сергей Николаевич?

— Да. Есть офицер. Достаточно отважный. Я бы даже сказал — дерзкий, но у него несколько смещены понятия о чести и нравственности.

— А где он служит?

— У капитана Симбирцева.

— Он согласен?

— Да, Андрей Георгиевич.

— Я вижу, Сергей Николаевич, вам не по душе эта операция?

— Если хотите, господин полковник, то да.

— Понимаю. Вы специалист по разведке, работали в тылу у австрийцев, но сейчас другая война. Учебники о ней будут изучать наши внуки в новой русской Академии генштаба. А пока... Где этот... бандит, который повезет его в Москву?.. Как его?..

— Лапшин? В тюрьме. Где же еще?

— Вам, Сергей Николаевич, придется поговорить с ним.

— Слушаюсь. — Незнанский поморщился. Но что делать, служба есть служба. — Я могу идти?

— Идите.

Незнанский четко повернулся и вышел, позванивая шпорами. Прилуков, прищурившись, глядел ему вслед. Ах уж эти чистоплюи, разведка, шпионство! Нет, дорогой подполковник, Академию вы окончили, а понять ничего не можете. Прилуков был опытным контрразведчиком. Почти всю войну проработал в комиссии генерала Батюшева. Чего он только не на-

смотрелся за три года! Он видел фрейлин двора, поставлявших сведения немцам, министров, берущих взятки у банкира Рубинштейна. Видел нового российского мессию, безграмотного мужика, вершившего судьбы фронтов и людей. Именно тогда он понял истину иезуитов: «Цель оправдывает средства». А для борьбы с большевиками хороши все средства. Прилуков, как человек умный, со склонностью к анализу, не верил в надежность временных побед.

Уж больно климат тыла Добрармии напоминал ему времена Гришки Распутина.

Конечно, полковник прекрасно понимал, что активизация уголовного подполья — шаг, продиктованный отчаянием. Но это хоть на время позволит справиться с силами политическому подполью, которое, впрочем, как и царский двор, и штаб Добрармии, раздирали интриги и склоки.

Полковник подошел к окну. По улице, четко печатая шаг, шла рота юнкеров. Поблескивали над погонами острые жала штыков.

Гремела музыка. И вдруг, осторожно, в нем начало зарождаться ощущение чуда. Ведь бывает же цепь случайностей, которую предвидеть невозможно. А вдруг она и сложится, цепь эта. И победа. Господи, как хорошо было думать об этом, слушая музыку маршей.

Ах ты, камера, камера, дом родной! Лапшин потрогал заплывший синяком глаз. Как же влип-то глупо. И наводка была точная, и в квартиру вошли, и дело сделали.

Грека и жену по горлышку, золотишко и деньги в сумку. Да не учли, что в другой половине дома офи-

цер на постой стал. Всего за два часа до дела. А у него двое товарищей были в гостях.

Только Лапшин с напарником за порог, а они тут как тут. Чего-чего, а воевать научились господа офицеры, Степку кокнули, а его скрутили, и сюда.

А контрразведка — не сыскное. Два офицера, прапоры сопливые, за час из него все выбили и в камеру бросили. Мол, сиди, завтра шлепнем.

А жить-то как хочется. Дважды с каторги бегал. Налеты совершал в Москве да Петрограде. Кассу взял на Нижегородской ярмарке.

Дурак... Лох слюнявый... В Москву надо было врать. К своим ребятам. А теперь все.

И жалко стало Лапшину себя. Господи, за что? Годков-то ему всего тридцать пять.

Как все люди его профессии, Лапшин, когда надо, в бога верил. Считал, что невидимая сила, призванная защищать его, уберезет от смерти. И в такие минуты верил он искренне, и становилось ему благоденно и грустно. Лапшин забывал о тех, кого убивал сам.

Тюремный коридор освещали большие керосиновые лампы, висевшие под потолком через каждые десять шагов. Свет их, зыбкий и призрачный, причудливо ломал на стене человеческие тени.

Подполковник Незнанский шел мимо вытягивающихся в струнку унтер-офицеров — надзирателей. Стена коридора, щербатая от пуль, со смытой краской лозунгов, точно выражала политические катаклизмы времени.

— Где? — спросил Незнанский молоденького прапорщика в форме корниловского полка.

— В седьмой, господин подполковник.

У дверей камеры с написанной прямо на дверях зеленой краской семеркой подполковник остановился.

Надзиратель отодвинул задвижку, открыл дверь.

— Вы останетесь здесь, — скомандовал Незнанский и шагнул в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда щеголеватую визитку с оторванным лацканом и в порванные на коленях полосатые брюки. Рубашки под визиткой не было.

Незнанский достал часы и щелкнул крышкой:

— Вас, Лапшин, расстреляют через час.

Человек молчал, изучающе глядя на подполковника. Он оставался так же невозмутимо спокоен.

— Но есть шанс, — продолжал подполковник.

— Ну?

— Говорите вежливее, вы не в сысской полиции, а в контрразведке.

Лапшин усмехнулся разбитыми губами:

— Я это сразу почувствовал, как первый раз мне в рожу заехали. В сысской остерегались бы. Там я человеком известным был.

— Слушайте меня, Лапшин. Вы убили греческого коммерсанта Костаки, убили зверски...

— Так я и не упираюсь, ваше высокоблагородие, взяли на деле, куда попрешь. Вы мне про шанс шепните. Ежели это нужно, — Лапшин потер большой палец указательным, — так выпустите. Через день принесу. Мое слово печать.

— Не нужно этого. Вы сегодня же подпишете документ и станете агентом контрразведки Добрармии. Это первое. Второе. Мы направим вас в Москву.

— Так я же политикой не занимаюсь.

— Вы будете работать по специальности. Вы на сыском жаргоне мокрушник?

— Случалось, брал грех на душу.

— Вот и занимайтесь этим в Москве. А мы попросим архимандрита, чтобы он вам грехи отпустил, прошлые и будущие.

— Так зачем тогда меня крестить? Я и без ксивенки этой своим делом займусь.

— Вы поедете не один. Повезете нашего человека.

— А это зачем?

— Нужно, Лапшин. Сведете его с вашими друзьями, представите, как налетчика из Ростова.

— А он крови не заботится? Людишек резать тяжелее, чем воевать, к этому привычка нужна.

— Это наша забота, Лапшин.

— Значит, я теперь вроде идейный борец. Вроде как эсер.

Незнанский молча посмотрел на Лапшина и усмехнулся.

— Деньги дадите? Путь неблизкий. — Лапшин потянулся.

— Дадим. И помните, если что... У нас везде люди.

— А вот пугать ни к чему. Наняли, так я работать буду. Дело-то знакомое.

Москва. Октябрь 1918 года

Данилов открыл глаза и увидел огромное пятно на потолке. Оно было похоже на контур Африки, только значительно больше, чем на самой крупной карте.

— Ну, слава богу. Очнулся, — раздался веселый голос. Иван попробовал повернуться, но горячая боль мгновенно пронзила тело, и он застонал.

— Ты лежи, лежи. — Сосед по палате, держась за стену, подошел к его кровати и сел: — Не узнаешь?

Лицо было знакомое. Но оно осталось там, в другой жизни, границей которой была боль, нестерпимая и жгучая.

— Отдыхай, браток.

Иван закрыл глаза, вспоминая. Обрывки прошлого возвращались фрагментарно и беспорядочно, как перепутанные детские кубики с азбукой.

И он мысленно пытался выстроить их в единую систему, собрать слово, ведомое ему одному. А кубики рассыпались, не складывались буквы. И словно далекий свет лампы, появился в воспоминаниях Брянск и летний театр. Даже запах каких-то цветов появился. И лицо Олечки Богулевич. И снова он ее услышал: «Настоящий человек должен стать сельским учителем».

А кубики падали и падали и постепенно сложились в единственное нужное слово.

Из окна второго этажа бил пулемет. Пули, ricochetируя по мостовой, выбивали длинные беловатые искры. Теперь он вспомнил лицо человека, склонившегося над ним.

Он лежал рядом с ним за поваленной трубой. Потом они бежали мимо каких-то деревьев... Потом узкий проулок... Кирпичная стенка, осыпающаяся под ногами... Сарай... И бесконечный треск выстрелов... Потом он только видел тупое пулеметное рыло, каш-

ляющее огнем... Оно было совсем близко... Надо было сделать всего десять шагов и бросить гранату. Пулемет замолчал на секунду, видимо меняли ленту, и тогда он выскочил из-за сарая...

— Куда? — кричал кто-то. — Убьют!

Он пересек двор и бросил тяжелую бомбу в окно... Потом что-то ударило его, и закружились деревья, дом, сарай и чье-то лицо.

И Данилов словно нырнул в темную горячую реку...

А теперь он вспомнил это лицо и засмеялся.

— Вы матрос? — спросил он.

— Естественно матрос, — засмеялся сосед. — Козлов Степан Федорович, комиссар ВЧК. А ты, браток, молодец, есть в тебе живой дух. Как не забоялся-то?

— Не знаю, — честно ответил Иван.

И потекли длинные, как несбывшиеся сны, дни. Через неделю Иван уже вставал, и они играли с Козловым в самодельные шашки: вместо белых — гильзы от нагана, вместо черных — винтовочные.

Они уже все знали друг о друге. А что, собственно, мог рассказать о себе восемнадцатилетний Иван Данилов?

Родился в Москве, учился в гимназии, потом отца перевели на службу в Брянск, там закончил реальное училище. Потом Союз молодежи, военная подготовка, Красная армия. Их рота прибыла в Москву, и ее сразу из вагонов бросили на помощь чекистам.

— Ну а дальше что? — спросил Козлов.

— Заходил комиссар госпиталя, хочет на курсы краскомов отправить.

— Ты согласился?

— Конечно.

— Погоди, Ваня, я тут кое с кем поговорю, может, другое дело тебе найдется.

— Какое?

— Погоди, — загадочно ответил Козлов.

Однажды в палате появился высокий черноволосый человек.

— Здорово, увечные, — белозубо засмеялся он.

— Федор, Мартынов! — Козлов соскочил с койки, и они обнялись.

— А ты как, друг, — спросил Мартынов Ивана, — ожил малость? Очень мы перепугались, когда ты с гранатой выскочил.

— Да так... — смутился Иван.

— Ты не смущайся, только помни всегда: жизнь у нас одна. Другую на базаре не купишь. Так что бережь ее надо.

Мартынов положил на тумбочку сверток:

— Это вам ребята собрали сахар, хлеба, колбасы даже, так что поправляйтесь. Пойдем, Степа, поговорим о разных разностях и покурим заодно.

Они вышли, а Данилов взял растрепанный томик Гюго, который ему принесла медсестра, и заново, вместе с Жаном Вальжаном, пошел по улице старого Парижа.

Когда-то, мальчишкой, он, начитавшись Дюма, мечтал попасть в этот таинственный Париж. Город красивых и веселых женщин и беспечных и смелых